

УДК 325

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ
РАЗДЕЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП**

© 2008 г.

Ю.А. Балашов, О.В. Фомичева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yurybalashoff@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.05.2008

Исследуются механизмы формирования и эволюции диаспор, образованных представителями этносов, территория компактного проживания которых разделена границами нескольких государств. Рассматриваются специфические характеристики, отличающие диаспоральные сообщества разделенных этносов от диаспор, образованных другими этническими группами.

Ключевые слова: разделенные этносы, диаспоры, этнополитические процессы.

В настоящее время исследование диаспоральной проблематики является чуть ли не приоритетным как в отечественной, так и в зарубежной политической науке [1]. Это объясняется четырьмя основными причинами:

1. Интенсификацией миграционных потоков, способствующих стабильному количественному росту диаспоральных сообществ, которые становятся все более и более заметными участниками внутрисоциальных политических процессов практически во всех существующих государствах [2].

2. Приобретением диаспоральными сообществами высоких статусных позиций в рамках социума-реципиента, создающих условия для конкуренции на рынке труда, дестабилизации сложившейся системы межэтнических коммуникаций и повышения уровня этнического риска [3].

3. Формированием во многих странах более или менее отлаженных механизмов воздействия диаспор на политику руководства принимающего общества, что обеспечивает диаспорам возможность не только сохранять и воспроизводить свою специфическую культуру и идентичность, но и занимать какую-либо определенную (возможно даже – широкую) функциональную нишу в рамках данного общества, а также претендовать на участие в управлении «новой родиной» [4].

4. Складыванием достаточно стройной и вместе с тем сложной системы взаимодействия между диаспорами и странами исхода, диверсифицировавшей, до некоторой степени, сложившиеся представления о международных отношениях, превратив диаспоральные сообщества в своеобразный ресурс межгосударственного

взаимодействия, а также, по мнению целого ряда специалистов, в самостоятельного участника международно-политического процесса [5].

Исходя из логики этнополитических процессов, можно предположить, что этносы, занимающие разные статусные позиции в системах межэтнических коммуникаций в местах компактного проживания, формируют диаспоральные сообщества, отличающиеся друг от друга конфигурацией общинных институтов, уровнем сплоченности, степенью устойчивости и спецификой поведения на международной арене. Естественно, этнополитическая ситуация в районах обитания основного этнического массива воздействует на характер процессов в диаспорах, политическую активность их представителей, а также на направление развития общинных институтов.

Так, этносы, подвергшиеся геноциду (армяне, евреи), используют своих соотечественников в диаспорах для лоббирования правительственных решений о международном признании факта геноцида [6]. Этносы, конфликтующие с государством по поводу распределения ресурсов или властных полномочий и использующие такие методы борьбы, как, скажем, терроризм, апеллируют к диаспорам с целью создания и укрепления своего позитивного имиджа (пропагандируемого, как правило, в качестве имиджа борцов за независимость и национальное самоопределение) в среде мировой общественности¹. Что же касается диаспор этнических меньшинств, подвергающихся насильственной ассимиляции или же являющихся объектом других целенаправленных действий, подавляющих воспроизводство оригинальных этнических культур, то их усилия направлены в большинст-

ве случаев на привлечение внимания ведущих участников международных отношений (в том числе международных организаций) к этнополитическим процессам в стране исхода для оказания давления на ее руководство [7].

Разделенные этносы, представляющие собой самостоятельный этнополитический феномен, обладающий присущими только ему специфическими характеристиками, отличаются и особенностями миграционного поведения своих представителей, а также особенностями диаспоральных сообществ, создаваемых ими вне территории компактного проживания основного этнического массива. По мнению авторов данной статьи, под разделенным народом следует понимать этническую группу, территория компактного проживания которой разделена границами двух или более государственных образований, которая осознает себя в качестве единой общности, стремится к объединению своего этнического пространства в рамках собственно единого государственного или автономного образования и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ [1]. Из предложенного определения вытекают следующие особенности разделенных этносов: 1) данные группы являются автохтонами и составляют абсолютное или относительное большинство на территории компактного проживания; 2) этническое пространство таких общностей «разрезано» политическими пространствами нескольких государственных образований; 3) этническая идентичность представителей данных общностей, как правило, доминирует над гражданской и служит основой для разработки этнической элитой ирредентистских проектов, направленных на создание государственных образований на части территорий «разделяющих» государств; 4) лидеры названных общностей активно проводят пропагандистские кампании, направленные на укрепление солидарности представителей данных этнических групп, проживающих по разные стороны границы; 5) в рамках данных этнических общностей функционирует система формальных и/или неформальных институтов, обеспечивающих трансграничное сотрудничество между частями этноса, расположенными по разные стороны государственных границ, и формирующих условия для интегрированности культурного пространства этноса в целом; 6) представители данных этнических групп формируют политические партии, организации и движения (как легальные, так и нелегальные), деятельность

которых направлена на отстаивание ирредентистских проектов, как на уровне руководства «разделяющих» государств, так и на международном уровне [8].

Исходя из особенностей интересующего нас этнополитического феномена, диаспоры разделенных этносов должны обладать как минимум четырьмя основными особенностями, связанными между собой и отличающими их от диаспоральных сообществ этнических групп, территория компактного проживания которых не разделена границами государственных образований. Представляется, что большая часть особенностей обусловлена именно фрагментированностью этнического пространства разделенных этносов, возникшей в результате вхождения той или иной части территории их компактного проживания в состав разных, зачастую враждующих между собой государств. Такая ситуация, во-первых, препятствует формированию консолидированных этнических элит, способных стать инициаторами и проводниками эффективной ирредентистской политики, носителями идеологии, направленной на создание суверенного государства в масштабах этнического пространства. В этих условиях ослабляется внутренняя сплоченность этноса и, в целом ряде случаев, усиливаются институты традиционного характера, конкурирующие между собой, и, соответственно, усиливается партикуляризм [9]. Таким образом, в сложившейся ситуации в среде разделенных этносов наблюдается одновременное развитие двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны – стремление к объединению фрагментированного этнического пространства, а с другой – конкуренция (реальная или потенциальная) отдельных сегментов разделенного этноса, препятствующая желаемому объединению.

Первая особенность диаспоральных сообществ разделенных этносов, непосредственно связанная с перечисленными проблемами, заключается в том, что их представители находятся вне межклановой борьбы, утратив во многом традиционную идентичность и потеряв связь с тем или иным традиционным социальным институтом. Этому способствует сама атмосфера диаспоры, находящейся в иноэтничном окружении, в обществе, этностатусная и этнополитическая система которого кардинально отличается от страны исхода, что обусловлено, в том числе, особенностями политической культуры. Сложности в сфере адаптации к непривычным условиям диктуют необходимость сплочения диаспоры, что, в свою очередь, создает условия для последующей консолидации ирредентистски настроенных политических сил.

Вторая особенность, связанная с первой, заключается в склонности интересующих нас диаспор к объединению в рамках «воображаемого сообщества» на основе представлений о символической родине и к преодолению локальных противоречий между представителями этнополитической элиты, являющимися выходцами из разных сегментов разделенного этнического пространства. В качестве третьей особенности, вытекающей из двух предыдущих, можно выделить возможность формулирования в диаспоре концепции этнонационального государства в масштабах всего этнического пространства, не сдерживаемого ограничениями государственной идеологии и/или идеологии доминирующего этноса и опасностью преследований со стороны властей, проводящих политику насильственной ассимиляции. Такая политика обусловлена, как правило, тем, что сам факт вхождения в состав государства территорий компактного проживания разделенного этноса воспринимается правительством в качестве угрозы его территориальной целостности и в качестве источника пограничных споров с соседними государствами.

Четвертой особенностью интересующих нас диаспоральных сообществ является, по нашему мнению, активное использование современных технологий коммуникации, а также структур принимающего общества для развития культуры и языка, финансовой и юридической взаимопомощи среди представителей данного этноса, недоступных в стране исхода в силу уже отмеченной политики насильственной ассимиляции. Пятой особенностью диаспор этносов, территория компактного проживания которых разделена границами двух или более государств, является их активное участие в финансировании, планировании, проведении и информационном обеспечении террористической деятельности, рассматриваемой элитой разделенных этносов в качестве асимметричного ответа на ассимиляторскую политику «разделяющих» государств и одного из способов реализации ирредентистских проектов.

Деятельность курдской диаспоры является наилучшей иллюстрацией механизма функционирования диаспоральных сообществ разделенных народов.

История курдского народа была полна трагических событий – депортаций, насильственных перемещений, кампаний по физическому уничтожению, жестоким репрессиям со стороны властей, кровопролитных междоусобных войн, – в результате которых почти треть курдского народа оказалась за рамками территории исторического расселения². Свидетельства о пере-

мещении курдов можно найти даже в таких отдаленных странах, как Киргизия, Казахстан, Йемен, Сомали и Эритрея. Сообщества, сумевшие сохранить свои традиции и язык, присутствуют в Туркмении (40 000), Азербайджане (150 000), Армении (45 000), Грузии (60 000), Афганистане (200 000), Ливане (80 000).

Политические события последних десятилетий заставили миллионы курдов переместиться в крупные города: Стамбул (около 3 миллионов), Измир, Адану и Мерсин в Турции; Багдад в Ираке; Тегеран и Тебриз в Иране.

Относительно недавним явлением стало образование курдской диаспоры в Европе. В 1960-е гг. курды из Турции начали прибывать в Германию, страны Бенелюкса, Австрию, Швецию и Францию в качестве рабочих по контракту в рамках межправительственных программ ввоза иностранной рабочей силы. Вследствие исламской революции в Иране в 1979 г., военного переворота в Турции 1980 г. и целенаправленной антикурдской кампании Анфаль в Ираке, в Западную Европу (и в меньшей степени в Северную Африку) хлынуло последовательно несколько волн курдских политических беженцев. Кампания, начатая в 1992 году, по насильственной эвакуации и уничтожению курдских деревень, в сочетании с политическими убийствами представителей курдской элиты турецкими военными, за которой последовали столкновения между курдскими партиями в Иракском Курдистане после 1994 года, усилили исход курдов в европейском направлении.

Согласно примерным оценкам исследователей, около 850–900 тыс. курдов проживает в таких странах Западной Европы, как: Германия (500 000), Франция (100 000), Нидерланды (70 000), Швеция (60 000), Бельгия (50 000), Австрия (50 000), Швейцария (25 000), Великобритания (20 000), Греция (20 000), Дания (8000), Норвегия (4000), Италия (3000) и Финляндия (2000). От 15 до 20 тысяч курдов проживает в США и более 6 тыс. в Канаде. Почти три четверти курдской диаспоры на Западе образовано эмигрантами из Турции; на втором месте находится Ирак, выходцы из которого сформировали большие сообщества в Великобритании, Нидерландах, США и Швеции.

Наиболее значительную роль курдская диаспора сыграла в становлении националистической идеологии курдского народа, которая всегда рассматривалась государствами региона как угроза национальной безопасности и территориальной целостности и развитие которой жестоко подавлялось как силовыми, так и опосредованными мерами, включавшими в себя запрет

на использование курдского языка, практику религиозных и культурных обрядов, ущемление в политических правах, принудительное расселение и депортации курдского населения.

По мнению исследователей, чувство воображаемого сообщества и нации всегда было особой проблемой для курдов. Хотя полунезависимые курдские эмираты существовали в составе Османской и Каджарской империй, единство курдского народа всегда «трещало по швам», повторявшим горную местность Курдистана. Отсутствие опыта государственности и постоянные противоречия между лидерами курдских движений обусловили решение великих держав в период послевоенного переустройства границ в пользу Турции, Ирака, Сирии и Ирана и позволили им с легкостью отказаться от своих обещаний дать курдам независимое государство [10].

Несколько факторов помешало развитию у этого разделенного народа последовательной концепции национального государства, которое могло бы охватить всю этническую территорию курдов (почти 300 тыс. км²) и бросить серьезный вызов существующему территориальному устройству.

Одной из главных причин стал курс на построение национальных государств со стороны Турции, Ирана, Ирака и Сирии: государства региона прилагали все усилия для построения собственной национальной идентичности вокруг турецкого, суннитского или персидского ядра, что привело к политической и географической маргинализации других этносов. Курдское же население не считало законным свое пребывание в составе государства, в котором доминирующая национальная идеология отказывала им в равных правах, что приводило к постоянным локальным выступлениям против властей и жестоким репрессиям, подавлявшим движения за независимость [11].

Свою роль сыграла не только позиция государств региона, но и невмешательство великих держав, которые не желали допустить прецедент изменения государственных границ на Ближнем Востоке, характеризуемом и без того частыми вспышками конфликта и хрупкой стабильностью сил в этом геополитическом пространстве [12].

Наконец, решающую роль в развитии курдского национализма сыграла раздробленность курдского движения, партии которого не только не могли найти между собой общий язык, но и нередко вступали друг с другом в кровопролитные сражения. Об этом свидетельствует и раскол иракской партии в начале 70-х гг., и вооруженный конфликт между иракскими Демократической партией Курдистана и Патриотиче-

ским союзом Курдистана, начавшийся в 1994 году; вооруженные столкновения между турецкой Армией освобождения народа Курдистана Оджалана и военными группировками иракских курдов; и в целом, – самостоятельность организационных структур и лидерства основных курдских партий: турецкой РПК, иранской ДПИК, иракских ДПК и ПСК [13].

Таким образом, именно курдская диаспора стала тем пространством, в котором выходцы из различных регионов Курдистана смогли преодолеть эти препятствия.

Во-первых, вследствие того, что выражение курдской идентичности жестоко подавлялось, транснациональное пространство, населенное курдами за рубежом, дало возможность курдским политическим предпринимателям сформулировать и мобилизовать идентификацию на националистской почве, которая в корне противопоставляла себя официальным версиям национализма [14].

Политическое пространство принимающих государств не только предоставляло им новые возможности в открытом выражении собственной идентичности, но и поддерживало ее развитие – именно европейские организации могли беспрепятственно вести курсы курдского языка, собирать представителей курдского народа, осуществлять финансовый сбор средств в пользу соотечественников. В этом пространстве курдская диаспора в Германии, например, могла беспрепятственно формулировать альтернативу турецкому национализму и официальным версиям национальной идентичности Турции, одновременно ставя под сомнение доминирующие концепции национализма в Германии и других европейских государствах.

Доступность новых коммуникационных технологий и дешевого транспорта позволила рассеянным группам курдов и политическим элитам взаимодействовать и поддерживать тесные связи по всей Европе такими способами, которые обходили или опровергали официальную версию национальной идентичности в государствах исхода.

Во-вторых, объединение вокруг «символической родины» в новых социокультурных условиях принимающего сообщества позволило преодолеть противоречия, свойственные региональным курдским группировкам. В этом отношении показательна история становления курдской общины в Великобритании; рассказывает М. Шафеи, руководитель Курдского культурного центра:

«...в 50–70-е гг. курды в Великобритании были в основном студентами, которые органи-

зовывали демократические выборы и комитеты в рамках студенческих движений... С 1980 г. в страну стали прибывать курдские беженцы, которые изменили потребности курдского сообщества. Вдохновленные Курдским институтом Парижа и уважением британского общества к правам меньшинств, группа курдских интеллектуалов, включая режиссера Гвена Робертса и меня самого, основала Курдский культурный центр в Лондоне. Британские власти, помогавшие основать центр, имели представление о разнообразии курдских общин и поставили условием для получения финансирования, чтобы каждая курдская ассоциация в Лондоне подписалась под требованием открыть культурный центр. Таким образом, мы неожиданно для себя обнаружили, что в одном Лондоне существовало не менее 30 организаций. И все тридцать подписали заявление. Это было неслыханным: курды из разных регионов Курдистана оставили в стороне свои различия для общего блага и достигли своей цели».

По свидетельству руководителя культурного центра в Великобритании, с 1986 года этот центр стал местом, где собирались различные курдские политические силы и где они могли открыто обсуждать и высказывать свои мнения о политической ситуации в Курдистане. В центре публиковались новостные издания, проводились культурные и политические семинары, показывались курдские фильмы и спектакли. Одним из ключевых достижений, по мнению М. Шафеи, стало празднование Наурыза, который стал поводом для утверждения курдской идентичности – он проводился в виде недельного фестиваля курдских фильмов, музыки и искусства, который обязательно снимался на видео. Эти видеокассеты, копируемые и распространяемые курдами, стали нитью, связующей диаспору и курдов в Курдистане [15].

Исследователи также признают, что политизация курдской идентичности и развитие курдского национального движения в иммигрантских сообществах Германии и других стран произошло не сразу, а в течение 80–90-х гг., под влиянием массовых потоков курдских беженцев и растущего использования современных средств коммуникации, позволявшим мобилизовать членов диаспоры и актуализировать их идентичность. Кассеты и видеокассеты, а с более позднего времени и спутниковое телевидение использовались для формулирования независимой курдской национальной идентичности в диаспоре. Это подразумевало стандартизацию курдского языка, курдской национальной исто-

рии, культурных практик и производства ряда культурных символов в музыке, искусстве и литературе.

Курдский национализм в диаспоре выражался, таким образом, не столько в поддержании культурных и родственных связей с родиной, сколько в активном социальном конструировании новых национальных символов и практик со стороны политических элит. Конструирование и мобилизация курдской национальной идентичности со стороны элит были настолько успешными, что число «самоназванных курдов» в турецкой диаспоре стало стабильно расти за последние двадцать лет [14].

Рассеянность курдов по разным городам и странам дала курдам ряд преимуществ. Например, несмотря на то, что в 1995–1999 годах штаб-квартирой курдского спутникового телевидения стал Лондон, откуда осуществлялось телевидение в Европе, Северной Африке и Западной Азии, большинство производственных работ выполнялись в других европейских столицах – Брюсселе, Берлине, Стокгольме и Москве. Эта организационная структура позволяла пользоваться преимуществами различных ресурсов, доступных в местных обществах. Например, студия в Швеции производила много культурных и детских программ, пользуясь тем, что шведское государство спонсировало перевод шведской детской литературы на курдский язык и оплачивало детские программы на родном языке, в то время как студия в Москве, с более низкими ценами на труд, выполняла более сложные технические и требующие времени задачи вроде дублирования и размещения субтитров [16].

Развитие курдского национализма не только подпитывало борьбу курдских повстанцев на территории Турции, Ирака и Ирана через укрепление их идентичности и сбор финансовых средств членов диаспоры, но и способствовало плюрализации политического пространства государств исхода.

Активная деятельность курдских организаций привлекла внимание мирового сообщества к проблеме нарушения прав курдов в рамках ЕС и ООН. Курдские центры и общества в Европе знакомили общественность с курдской проблемой, положением курдов в различных частях Курдистана, шовинистической политикой правящих кругов Турции, Ирана и Ирака. Центры организовывали культурные вечера, демонстрации, митинги и акции протеста в связи с фактической поддержкой западных держав дискриминационной политики ближневосточных государств [17].

Деятельность курдских организаций оказала влияние на значительный сдвиг в политике Турции по отношению к курдскому населению. В 1991 г. президент Тургут Озал легализовал употребление курдского языка и объявил амнистию всем курдским повстанцам в Турции. С 2002 г. в рамках реформ на пути к интеграции в ЕС и под давлением международных организаций Турция приняла закон, позволяющий открыть курдское радио- и телевидение, а также закон, позволяющий курдам получать образование на родном языке [18].

Таким образом, диаспоральные сообщества являются важным элементом этнополитических процессов, развивающихся на территориях компактного проживания этносов, этническое пространство которых разделено государственными границами. Функционируя, казалось бы, за пределами территории максимальной политической активности соответствующих этнических групп, диаспоры обеспечивают ее эффективность, сглаживая существующие внутриэтнические противоречия, определенным образом нивелируя негативное воздействие разделяющих государств на их идентичность и обеспечивая ирредентистским проектам хотя бы минимальную международную поддержку. Другими словами, диаспоральные сообщества разделенных этносов являются одним из социальных институтов, обеспечивающих интегрированность этнического пространства разделенных этносов даже в условиях его фрагментированности.

Примечания

1. Примером, иллюстрирующим высказанный авторами тезис, может служить деятельность представителей чеченской диаспоры за рубежом в период 1994–1999 гг., а также деятельность албанской диаспоры в период косовского кризиса.

2. Здесь и далее цифры относительно численности курдской диаспоры приведены согласно оценкам специалистов Курдского института Парижа: The Kurdish Diaspora // Kurdorama, Institut kurde de Paris, <http://www.institutkurde.org/en/kurdorama/>.

Список литературы

1. Подробнее о проблемах диаспоральных исследований см., например: Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. Монография / Под ред. К.С. Гаджиева и Э.Г. Соловьева. М.: ИМЭМО РАН, 2006.

2. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002.

3. Левин З.И. Менталитет диаспоры. М.: Крафт, 2001.

4. См., например: Дятлов // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. – М., 1999.

5. См., например: Балашов Ю.А., Саркисян А.А. Диаспоральные сообщества мусульманских народов в приволжских регионах Российской Федерации: институциональные особенности и основные тенденции развития // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2006. № 1(3).

6. См., например: Барсегов Ю. Геноцид армян – преступление по международному праву. М., 2000.

7. См., например: Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока / Кол. авт. под ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород–Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007.

8. См., например: Балашов Ю.А. Разделенные народы: проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2006. № 1(4).

9. См., например: Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука, 1992.

10. Stansfield G. and R. Lowe. The Kurdish Policy Imperative // Middle East Program of Washington Kurdish Institute, December 2007. P. 2.

11. Stansfield G. and L. Anderson. Les parametres changeants d'un Etat kurde : Entre Bruxelles, Ankara et Bagdad // «Etudes kurdes». No 8. September 2006. P. 13–15.

12. Заяц Д.В. Курдистан: черная дыра или потенциальное национальное государство? // География. 1999. № 6.

13. Загорнова Е.В. Этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий // Сборник «Ближний Восток и современность». Вып. 26. М., 2005.

14. Adamson Fiona and Madeleine Demetriou. Remapping the Boundaries of «State» and «National Identity»: Incorporating Diasporas into IR Theorizing. // European Journal of International Relations. Vol. 13 (4), December 2007.

15. Mozaffar Shafeie. Learning Democracy in London: The Kurdish Cultural Centre and the Diaspora in Britain. // Papers of International conference «Democratization of the Middle East: problems and perspectives» 19–20 November 2005, Kurdish Institute of Paris.

16. Hassanpour Amir. Satellite Footprints as National Borders: MED-TV and the Extraterritoriality of State Sovereignty // Journal of Muslim Minority Affairs. 1998. № 18. P. 53–72.

17. Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. М.: ИВ РАН, 2001. С. 152–181.

18. Turkey passes key reform package. BBC News, 3 August 2002.

SOME SPECIFIC FEATURES IN THE ACTIVITY OF DIVIDED ETHNIC GROUPS' DIASPORAS

Yu.A. Balashov, O.V. Fomicheva

The authors study the mechanisms of the forming and evolution of the diasporas made up by the representatives of ethnic groups living in the territories divided by the borders of different states. Specific features in the activity of such diasporas are analyzed that differ them from other types of ethnic groups.